

КОНСТАНТИН ЛОПУШАНСКИЙ: НА ГАМЛЕТОВСКИЙ ВОПРОС НАДО ОТВЕЧАТЬ

Константин Лопушанский — автор и режиссер фильма «Письма мертвого человека». Это его дебют в большом кинематографе. Можно сказать о Лопушанском, что он проснулся знаменитым в тот день, когда фильм вышел на экраны. Затем — победы на международных фестивалях. Статьи в самых авторитетных изданиях, советских и зарубежных. Пухлые папки с газетными вырезками вмещают далеко не все отклики...

Лопушанский в списке молодых режиссеров. Хотя ему нынче — 40. Защитил кандидатскую диссертацию о русской музыкальной критике. К кинематографу шел отнюдь не стремительно, но неуклонно.

Его путь можно обозначить пунктирно: после музыкальной школы — консерватория в Казани. Аспирантура в Ленинградской консерватории. Работая в Малом театре оперы и балета, посещал режиссерский факультет. Шел к цели, как в детской игре, когда ищут спрятанный предмет: «Теплее, теплее, горячо». И, наконец, «Совсем горячо!» В 29 лет — Высшие двухгодичные режиссерские курсы. Мастерская Эмиля Лотяну. Рядом такие мастера: Глеб Панфилов, Никита Михалков. Практика на «Сталкере» у Андрея Тарковского...

И все-таки Лопушанский молод. Не приобрел еще вальяжности и маститости. Квартира, где мы беседуем, выглядит по-студенчески. Вещи свободно разбрелись по дому. Книжки здесь в ходу, а не за стеклом солидных шкафов. В доме растет ребенок. А там, где дети, не жди чинности...

Шестилетний сынишка болеет, сам Лопушанский кашляет. Но встречу откладывать не хотелось, потому что Лопушанского дома заставить трудно. Предстоят поездки в ФРГ, в Финляндию...

«Письма мертвого человека» — фильм страшный. О ядерной зиме, о судьбах людей, оставшихся в живых. Его нельзя пересказать — нужно видеть. Моя пятнадцатилетняя дочь не могла уснуть после его просмотра. Такой пронзительный фильм можно было создать, только пропустив его через собственное сердце.

— Был, наверное, личный толчок для такой темы?

— Каждая советская семья, — отвечает Лопушанский, — имеет свою историю, где эхо войны отдается в следующих поколениях. Меня это очень волнует.

Я родился в 1947 году. С детства учился игре на скрипке. Я заметил, что после войны, тяжелых страданий во многих семьях старались учить детей музыке, рисованию, хореографии. Я думаю, не случайно. Так выразилась потребность людей ощутить мир во всей его красоте.

В шесть лет я потерял отца. Он был моложе, чем я сейчас. Сказались тяжелые ранения. Отец ушел добровольцем на фронт. Мама девочкой осталась без родителей, попала в детский дом.

Был еще неожиданный толчок. Когда я начинал писать сценарий, мой сын Сережа, которому было три года, спросил меня во время грозы: «Папа, это что, ядерная война?» Меня поразила реакция ребенка... Откуда у него такие мысли?

Не я выбрал тему фильма, тема выбрала меня. В начале 80-х годов резко обострилась

ситуация в мире. Впервые широко стали писать об угрозе ядерной войны и, как ее следствии, ядерной зиме и ядерной ночи. Был создан «Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы». Его возглавил академик Велихов.

В то время и родился сценарий «Письма мертвого человека». Судьба его была трудной. Это были тяжелые годы в советском кинематографе. Между творческими коллективами и Госкино существовали сложные отношения. Хотя меня поддерживали на «Ленфильме», сценарий долго не принимали.

Смуцало, что никогда не было фильмов на эту тему. То очень мрачно, то очень спорно, остро... Сюжет выходил за рамки стереотипов, сложившихся не в лучших образцах спокойных, мало-кого трогающих фильмов. А тут ужасы ядерной зимы.

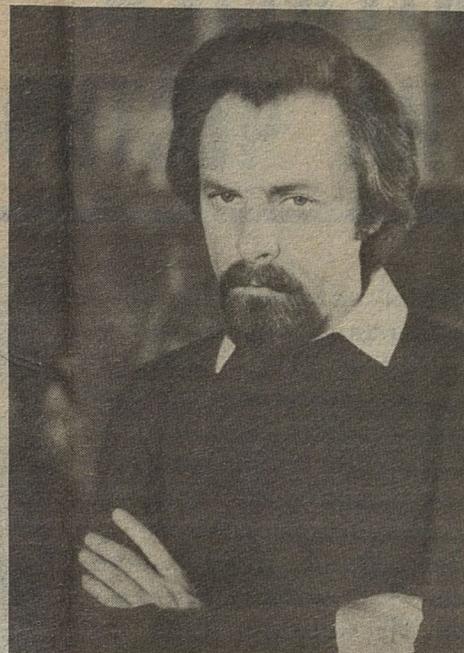
В первой работе режиссер хочет сказать что-то новое, свое, а иначе зачем создавать художественное произведение? Правда не может быть тривиальной. Такая позиция вступала в противоречие с теми, кто хотел причислить всех под одну гребенку.

Я обратился за поддержкой к ученым, к академику Велихову. Ученые умеют убедительно отстаивать мнения. Непосредственным консультантом фильма согласился быть известный африканист Анатолий Громыко. Смелые люди всегда есть. В те годы был жив кинорежиссер Сергей Герасимов. В период конфликта с представителями Госкино он резко выступил против их позиции. Широкое общественное мнение вокруг сценария помогло: картину запустили в работу.

Съемки были тоже трудными. Снимали все под Ленинградом, на натуре. Нашли те места, которые еще сохранили разрушения прошлой войны, — на кронштадтских фортах. Съемки проходили зимой. Ветроули работали постоянно, искусственный дым мешал дышать. Актеры должны были играть в противогазах...

Надо сказать, что у этой картины был предшественник — дипломная работа Константина Лопушанского короткометражный фильм «Соло» о музыкантах блокадного Ленинграда. Там — сцены блокады, оледеневший город, занесенные снегом трамваи, люди, закутанные в платки, медленно бредущие сквозь зимнюю тьму, — это была не фантазия на тему ядерной катастрофы, а реальность ленинградской зимы 1941 года...

— Когда картина «Письма мертвого человека» была готова, — вспоминает Лопушанский, — обстановка в кино на глазах менялась к лучшему. Многие наши «противники» принесли свои извинения.



В фильме не обозначена страна действия. Он задуман как еще один удар колокола, предупреждающий об общей беде.

Много было споров о финале фильма: герои обречены. Но интонация картины такова, что оставляет у зрителя надежду. Человеку свойственно надеяться. Как у Пушкина: «Несчастью верная сестра, надежда...»

— Что снимаю сейчас? Решил остаться верен жанру философской фантастики. Она начата фильмами Андрея Тарковского «Солярис», «Сталкер» — ответственность науки за прогресс, ответственность человека перед природой и жизнью на земле. В таких фильмах другая стилистика, отличная от фантастики — развлекательно-приключенческой.

— Кого вы считаете своими учителями?

— В литературе на меня оказали воздействие Брэдли, Достоевский. Сегодня, размышляя о проблемах человеческих, нельзя обойтись без Достоевского. Писатель мыслит глобально, у него болеет душа за судьбы всего мира. Я хочу остаться верным традициям русской и советской литературы. В кино я верен традиции европейской, с ее склонностью к философскому осмыслению жизни в большей степени, чем это присуще американскому кинематографу. Люблю фильмы Бергмана, Брессона.

Сказалось и то, что я проходил практику на картине Андрея Тарковского. Хотя он часто говорил, что у него нет учеников, но относился к своей педагогической роли, к молодым режиссерам очень серьезно, ответственно. Сохранились лекции, которые Тарковский читал на Высших курсах, многие его статьи о проблемах кино. Я собрал их воедино по его просьбе. Может быть, сложится книга, которая будет прекрасным пособием для кинорежиссеров, а также памятью об этом замечательном мастере.

— Ну, а как же музыка, ведь столько лет вы отдали ей?

— Музыка очень помогает мне в работе. Например, в конце фильма «Письма мертвого человека» звучат музыкальные цитаты из произведений Оливье Мессиана и Габриэля Форе, моих любимых французских композиторов. Эту музыку я выбрал, когда фильм только задумывался.

— Предполагается показ вашей картины по американскому телевидению. Что бы вы сказали заокеанским зрителям?

— Мы адресовали свой фильм людям всей земли. Ведь сегодня каждого человека касается гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» На него нужно отвечать.

Алла БЕЛЯКОВА.